

И. НАХОВ

ЧЕЛОВЕК И МИР В ТВОРЧЕСТВЕ САЛЬВИАНА ИЗ МАССИЛИИ

Последние века, а тем более десятилетия существования античного мира полны напряженной драматичности и даже трагизма. Этот на первый взгляд почти банальный тезис вдруг наполняется энергией и содержательностью, если только остановится и задуматься над часто и охотно цитируемым: «последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия», а также на счет того, что человечество в целом расстается со своим прошлым.¹ Во всех ли случаях справедливо данное обобщение? «Пир во время чумы» — увы, не комедия, и с прошлым почти всегда расстанутся мучительно и тяжко. Именно такой краткой формулой можно охарактеризовать состояние самых разных слоев общества во время долгой и бурной агонии старого, дегенерирующего мира в западной части Римской империи в конце IV и на протяжении всего V века новой эры.

О социально-психологической атмосфере лихорадочной тревоги и болезненного возбуждения, всенародного горя, безысходности, апатии, безразличия и надежд, деморализации, разочарования в общественных и личных ценностях, о разрушении привычных социальных связей, об утрате гражданских чувств и убеждений, нравственных и религиозных устоев, о погоне за мимолетными чувственными наследиями и всеобщем хаосе в этот критический период древней истории необычайно красноречиво и взволнованно рассказывает марсельский пресвитер Сальвиан, полузабытый классической филологией² незаурядный галло-римский писатель и христианский проповедник. А, казалось кого, как ни его, следовало бы прежде всего вспомнить, когда заходит речь о завершающем акте античной истории, ибо ему, Сальвиану, принадлежит проникновенная и дерзкая фраза о Римской империи, которая, умирая, смеется: *moritur et ridet*. «Весь римский мир, — негодует он, — нищ и утопает в роскоши. Кто, скажите, потерял все и в то же время полон кичливости? Кто перед тем, как его закуют в цепи рабства, помышляет о забавах в цирке? Кто дрожит от страха смерти и одновременно смеется? Это мы, мы веселимся, испуганные перспективой оказаться в неволе, и смеемся, ужасаясь неминующей гибели. Весь римский народ словно белены объелся: агонизирует и хохочет» (О промысле Божьем, VII, 1, 6).³

Новых работ о Сальвиане почти нет, а старые авторы,⁴ исходя из различных установок и посылок, советуют не очень доверять решительным и крайним формулировкам марсельского священника: дескать, все это риторика и патетика, к которым прибегает суровый моралист в приступе нравственного обличительства; он-де, по своему характеру склонен все преувеличивать и сгущать краски, педалируя мрачные стороны бытия. Но сам Сальвиан думал о своей задаче несколько иначе и считал своим долгом говорить только правду. Его не прельщала, как других, слава ученого краснобая (*scholastici ac disert*), а заботила лишь истина, какой бы горькой она ни оказалась, и польза, которую он надеялся принести современникам. Он не рассчитывал на похвалу и симпатии, так как не собирался ни пускать пыль в глаза, ни льстить или заискивать перед читателем.⁵ «... Всеми средствами нужно стремиться к истине, — поучает он, — и пусть в словах будет то же, что и в жизни. Вещи необходимо называть своими именами: приятное приятным, а горькое — горьким».⁶

Может быть и в самом деле не стоит доверять словам столь заинтересованного свидетеля? Но какая корысть Сальвиану, благополучному христианскому клирику, рисовать римский, т.е. христианский мир в столь мрачных красках и при том в годы, когда давным давно прекратились преследования христиан (III, 5, 20) и христианство превратилось в государственную религию,⁷ да к тому же перед лицом грозной опасности — нашествия варварских, языческих племен, волна за волной «великого переселения народов» захлестывавших уже христианизированный мир древней культуры? Одной проблемой теодицеи, волновавшей Сальвиана, но без опоры на действительность его разоблачительные пассажи и тирады не объяснить. Впрочем, можно найти и других, более именитых очевидцев и ортодоксальных единоверцев среди современников марсельца, почти так же ожесточенно нападавших на моральную деградацию окружавшего их общества, хотя и с других позиций (напр., Иероним).

Два региона на карте христианского мира особенно волновали Сальвиана — родная ему Галлия⁸ и далекая Африка, славившаяся своими аскетами, монахами и отшельниками. Именно здесь, в самых богатых городах Аквитании и в знаменитом Карфагене, христиане погрязли в самых тяжких грехах и пороках, далеко превзойдя в этом весь остальной мир. В своих нападках на подданных Римской империи Сальвиан имеет в виду не бедняков, а прежде всего людей богатых, влиятельных и знатных. Социальные симпатии и антипатии, демократические пристрастия писателя вне всяких сомнений.¹⁰

Сочувствуя простому народу, свои инвективы он направляет против «сильных мира», которых именует социологически точно и без обиняков: *divites, potestates summae, potentes, potentissimi, principes civitatis, sublimissimi, locupletes, nobiles, nobilissimi, maiores, praecelsiores*. Комплект пороков (*vitia, mala, peccata*) также классово определен, и наряду с общечеловеческими *stultitia* и *amentia* (глупость, безрассудство) называются «нравенство, несправедливость» (*iniquitas*) и «роскошь» (*luxuria*).¹¹

Еще отчетливее выражена авторская позиция в серии риторических вопросов: «Кто из богатых и власть имущих не барахтается в грязи разврата? Кто не тонет в клоаке самых отвратительных нечистот?» и т.п. (VII, 3, 16). Сочинение «К церкви» пронизано одним пафосом: «Горе вам, богатеи!» (*vae vobis, divites — ad es. II, 14, 69*). Но, пожалуй, самое убедительное доказательство классовых привязанностей Сальвиана, близости к нуждам и проблемам, волновавшим народ, — это его отношение к багаудам, массовому движению угнетенных низов (*humiliores*) в Галлии и Испании.¹² Главы трактата «О промысле Божьем», посвященные восставшим беднякам, полны понимания и самого горячего сочувствия к их бедствиям и судьбе. Свободолюбивые багауды, наводившие страх на господ и ненавидимые ими, находят полное понимание и оправдание у Сальвиана. Их называют пропащими людьми (*perditos*), бунтовщиками (*rebelles*) и преступниками, — говорит он, — но они стали такими не по своей вине, причина — в беззаконии, насилии, жестокости и произволе правителей, которые ради личной выгоды душат простых людей непомерными поборами, конфискациями и грабежами. «Что сделало их багаудами, как не наше несправедливость, предвзятость судей, превративших взывание государственных налогов и общественные повинности в свою собственную кормушку и добычу?» — гневно вопрошает Сальвиан (V, 6, 25). В мире господствуют голод, угнетение себе подобных, бесчеловечность и несправедливость. «На плечи слабых взвалена ноша сильных» (V, 7, 28—29). Подобными замечаниями, преисполненными искреннего негодования, пестрят сальвиановские диатрибы. Многочисленные факты растленной жизни богачей, взятые из действительности, дополняются примерами из Священного Писания, чтобы подтвердить их отрицательную оценку ссылками на божественный авторитет.¹³ Итак, со страниц трактатов Сальвиана встает обобщенный образ, так сказать, «римского эксплуататора», отталкивающий и негативно оцениваемый не только с христианских позиций, но и с точки зрения традиционных староримских и стоических добродетелей (*pietas, gravitas, modestia, constantia etc.*).

Однако вернемся в Аквитанию. Всеобщая продажность и неслыханная моральная испорченность (*labes praesentium morum atque perditio — VI, 8, 44*) достигли здесь таких чудовищных масштабов, что рождают в негодующем сознании Сальвиана болезненно-гротескный образ: весь мир — большой публичный дом. «Здесь все живут в одном общем для всех лупанаре» (*num lupanar omnium vita*). Может быть, еще хуже, чем в лупанаре, потому что тамошние обитательницы, никогда не вступавшие в брак, не могут запятнать того, чего не знают (VII, 3, 15). Мужчина, *pater familias*, ведя безнравственный образ жизни, влечет за собой в пропасть всех окружающих, так как «глава семейства своим поведением подает всем пример» (VII, 4, 19).

В двух крупнейших городах родины Сальвиана Трире и Кёльне несчастья и беды, связанные с варварскими нашествиями, не смирили, не заставили одуматься знатных и влиятельных граждан, а, напротив, сделали еще разнузданнее и порочней. Беспорядочное пьянство и разврат,

роскошь и алчность, жажда наслаждений, игрищ и зрелищ, оргии на развалинах некогда цветущих городов, среди черного пепла пожарищ, среди болезней, рыданий и нищеты, всеобщего опустошения — такова прямо-таки апокалиптическая картина, нарисованная Сальвианом. Но римляне были готовы скорее умереть, чем отказаться от удовольствий и исправиться, — замечает писатель (VI, 13—15).

На закате античности рука об руку с моральной деградацией и ростом эгоизма шел ускоренный процесс утраты последних гражданских доблестей, чувства патриотизма, национальной гордости, столь характерных для ранних эпох. Не говоря уж о том, что под натиском врагов горожане устремлялись в места более безопасные или перебежали к неприятелю в поисках справедливости и человечности, которых они не могли найти у себя дома, они уже раньше были внутренне побеждены пороками, голодом, нищетой, неравенством и т.п. «... Они уже погибли до того, как погибли», — с некоторой риторической вычурностью заключал Сальвиан (VI, 13, 79). Далее эта мысль разъяснялась: «Часть народа была извне захвачена врагами, часть изнутри — пороками» (VI, 12, 69). И еще: «Нас одолели только наши собственные пороки» (*sola nos morum nostrorum vitia vicerunt* — VII, 23, 108). Римский мир обречен на гибель — он остался без защитников (VI, 13, 77).

Острое негодование и просто болезненное отношение у Сальвиана (VII, 22, 94) вызывала жажда зрелищ и развлечений (*spectacula, circenses, theatra, ludicra publica*),¹⁴ охватившая жителей разоренных городов. Во время осады вандалами Карфагена и Сирта жители этих африканских городов продолжали развлекаться, и стоны умирающих на улицах смешивались с восторженными и неистовыми кликами зрителей в цирках (VI, 12, 69—71). Немногие оставшиеся в живых «отцы» четырежды порабощенного и разграбленного Тира словно самой большой милости и средства для восстановления города выпрашивали у императоров разрешения ... устроить цирковые представления (VI, 15, 85). — Для кого, — обращался к ним Сальвиан, — вы просите открыть цирки и театры? И сам отвечал: «Для сожженного и погибшего города, для плененного и уничтоженного народа, который или погиб или бедствует» (VI, 15, 88). Должно быть еще никогда в истории не подвергались столь жестокой критике зрелища и развлечения. Объясняется ли эта критика только религиозным фанатизмом или упомянутые зрелища и в самом деле были такими низменными и непристойными, как утверждал Сальвиан, вообще-то не отличавшийся нетерпимостью. Однако все виды развлечений в его время зрелищ он считает безнравственными и вредными, особенно цирки и театры (VI, 3, 15). Все, что там происходит, говорит он, не только что видеть, но и вспоминать, не замаравшись, нельзя. Похабные слова и неприличные телодвижения, имитирующие любые виды разврата, стали содержанием театральных представлений.⁷⁵ Все там оскорбляет чувство порядочности и стыда, поэтому каждый зритель не свободен от вины (VI, 3, 15—19). Ради подобного рода низменных зрелищ толпа даже в христианские праздники покидает храмы и устремляется в театры: «церкви пустыют, цирки переполнены» (VI, 7, 38).

Все публичные игры и увеселения — дьявольские затеи (*opera sunt diaboli* — VI, 6, 31), ибо христиане впадают там в грех идолопоклонства. В театрах прославляют Венеру, в цирках — Нептуна, на аренах — Марса, Меркурия в палестрах, Минерву в гимнасиях (VI, 11, 60).

Отталкивающую картину морального разложения и нравственного падения рисует Сальвиан, рассказывая о положении в Карфагене, ставшим для Африки тем же, чем был Рим для остального мира (VI, 16, 68) Карфаген «полон богатствами, но еще более всякими гадствами» (*plenam divitiis, sed magis vitis*), — играя словами, замечает Сальвиан. В этом христианском городе, *in urbe christiana, in urbe ecclesiastica*, все смердит пороком и грехами, словно туда стекают нечистоты из всех клоак мира. Здесь царят лобострастие, неприкрытое мужеложство, проституция, супружеская неверность и пр. Нечестье захватило даже духовенство. Перед лицом смертельной опасности «... карфагенская церковь неистовствовала в цирках, предавалась утехам в театрах (VI, 12, 69). Порочность одного этого города позорит весь римский народ (VII, 17—19). Здесь грабят сирот и притесняют вдов, терзают бедняков, которые лишь молят о конце своих страданий и как избавления ждут прихода варваров (VII, 16, 68—71).

Римляне и варвары. За кем из них будущее? Чем объясняются их военные успехи? — вот одни из самых существенных и жгучих вопросов, волновавших Сальвиана и его современников. Они, эти вопросы и проблемы, были многолики и обращалось то своей политической, то военной, то нравственной, то религиозной стороной. Почему варвары, эти грубые и дикие язычники, побеждают и порабащают цивилизованный утонченный и просвещенный народ, познавший к тому же благодать христианской истины? Собственно, это основной вопрос, на который мучительно искал ответ христианский моралист в своем основном сочинении «О промысле Божьем», *De gubernatione Dei*.

Меньше всего занимала Сальвиана внешняя сторона сложившейся в стране обстановки в результате германского нашествия. Он лишь констатирует факт поражения римлян,¹⁶ некогда славившихся своими воинскими доблестями, и победы, постоянно одерживаемые над ними варварами. В большей степени он интересуется внутренними, человеческими, моральными качествами своих соотечественников и врагов. Именно тут видит он решение «загадки века», а не просто в превосходстве одной системы над другой, одной религии над другой, христианства над язычеством. Это был странный священник и христианин — Сальвиан из Марселя.

Старинная античная традиция предполагала, как известно, двоякое отношение к варварам: одни видели в них людей грубых, жестоких, коварных и непросвещенных, стоявших во всех отношениях (и, прежде всего, в степени культурности) ниже греков и римлян; другие — находили их честными и чистыми, благородными и справедливыми, мужественными и добродетельными, не испорченными цивилизацией «детьми природы». Первая точка зрения нашла крайнее выражение у Аристотеля, считавшего варваров самой природой предназначенными для рабства.¹⁷ Идеали-

зирующая и морализаторская позиция, связанная с критикой теневых сторон античного общества, особенно в кризисные периоды, исходила главным образом из кинико-стоического круга. Находила она сторонников и среди римлян (Цезарь, Тацит).

Нельзя сказать, что Сальвиан примкнул к тем, кто видел в варварах безусловный пример для подражания. Жизненный опыт и наблюдательность заставили его объективно перечислить отрицательные черты варваров: они несправедливы, корыстолюбивы, коварны, алчны, завистливы, бесстыдны (*iniusti, avari, infideles, cupidi, impudici* — IV, 14, 65). Саксы дики и жестоки, франки коварны и лживы, гипиды бесчеловечны, гунны бесстыдны и распутны, готы хитры и злокозненны, аламанны — пьяницы, аланы жадны, вандалы трусливы и т.п. (IV, 14, 67—68; VII, 15, 64). Но идолопоклонство или отступления от ортодоксии Сальвиан не ставит им в вину, хотя все варвары язычники или еретики (IV, 13, 61. 14, 67; V, 2, 5). Напротив, последнее обстоятельство их скорее даже оправдывало, ибо они не ведали божеского закона (*legem et deum nesciunt* — IV, 14, 69. 17, 81).

Вместе с тем, религия и законность дают преимущества римлянам (IV, 3, 61—62). Однако Сальвиан предлагает: «Отбросив преимущества (*praerogativa*) нашей религии . . . , сравним образ жизни, занятия и нравы наши и варварские» (IV, 14, 65). Сравнение явно не в пользу римлян. — Мы хуже и испорченнее варваров, — не устает повторять Сальвиан (IV, 13, 62; V, 4, 15; VII, 1, 7. 23, 107 и др.). «Чем больше преимуществ, тем тяжелее вина», — такова логика рассуждений проповедника (IV, 12, 58). «Мы, — продолжает он, — повсюду разносим христианскую веру, но нас следует считать худшим из всех народов, ибо под прикрытием столь возвышенного учения и религии совершаем подлости» (IV, 12, 59).

Тяжкие страдания простых людей, испытывавших на себе последствия варварских вторжений, не позволяли приукрашивать действительность, наводить глянец благопристойности на дикие физиономии варваров в угоду абстрактной морализации. Не так уж варвары хороши, сколь мы плохи, — таков истинный смысл высказываний Сальвиана (VII, 13, 56). «Если гунн или гипид лжет, что же здесь удивительного? Ему не ведом грех лжи. Когда франк дает фальшивые клятвы, то и тут нечему удивляться, так как он не считает ложную клятву преступлением, а лишь своего рода способом выражения (*sermonis genus*) . . . ». Почему мы должны возмущаться, когда варвары лгут? Разве римские купцы и торговцы не ловчат и обманывают на каждом шагу? (IV, 14, 68—70). Даже клятвы именем Господним (*per Christum*) стали пустой формальностью или даже своего рода оружием для убийств, грабежей и прочих преступлений: «ей-богу, я убью такого-то, ей-богу, изувечу другого» и т.п. (IV, 71—76).

Христиане стоят на значительно более низком уровне нравственности, чем язычники, у которых нет законов, запрещающих воровство, прелюбодеяния и пр. У христиан же такие законы (*lex catholica*) есть, но они постоянно нарушаются; у варваров подобных запретов нет, а, значит, нет и нарушений (IV, 19, 94. Ср. § 15). Отсюда можно было бы

сделать вывод, что законы вредны, замечает Сальвиан, но дело не в законах, а в нравственности. Именно в ней — основа законов. Стань справедливым и ты освободишься от законов (*iustus esse incipe et eris liber a lege* — V, 1, 2). Так утверждается приоритет общезначимой человеческой нравственности перед законами, под которыми подразумеваются библейские заповеди, «божеский закон» (*lex divina* — V, 1, 3). Значит, для доброго, честного от природы человека эти заповеди не нужны. Естественная справедливость, природная чистота нравов важнее закона, даже полученного от бога. Перед ними все равны, независимо от рода и племени. Мысль по существу глубоко еретическая. Свободомыслие Сальвиана становится еще очевиднее, когда с его помощью поближе знакомишься с варварами, которые, как нам уже известно, «все язычники или еретики».

Готы и вандалы не читают Библию, но выполняют первойшую заповедь Господа — проявляют милосердие (*caritas*) и любят друг друга (*omnes se fere barbari mutuo amant* — V, 4, 15), не причиняют вреда ближнему (V, 11, 57). Они скромны и стыдливы, презирают распущенность. «Мы избегаем чистоты, готы ее любят», у них разврат считается преступлением, у нас — украшением (VI, 6, 24). Нравственную и физическую чистоту вандалов не испортило даже соприкосновение с очагами всяческих пороков в Африке. Они не запятнали себя процветающим там мужеложством, посещением публичных домов. Более того, они не только сами избежали скверны, но даже принимались сами исправлять нравы римлян, очищая Карфаген от педерастов и проституток. Не римляне, а варвары ввели законы, запрещающие проституцию и прелюбодеяния, оберегая тем самым семейные устои (VII, 20–22). Своими высокими моральными принципами варвары превзошли самого Сократа, проповедовавшего общность жен.¹⁸ Сократ, — заявляет Сальвиан, — хотел превратить всех девственниц в шлюх, а вандалы — всех шлюх — в девственниц. Поделом, стало быть, его наказали афиняне (VII, 23). Варвары чище и воздержаннее римлян (*castiores ac puriores barbari quam Romani sunt* — VII, 23, 107), — приходит в конечном итоге к выводу христианский писатель. Они настолько справедливее нас, что никто не хочет быть подданным римлян, а все римляне мечтают оказаться под властью варваров (V, 8, 37). Они ищут у варваров римскую человечность, ибо больше не могут терпеть у римлян варварскую бесчеловечность.¹⁹ Далее Сальвиан призывает римлян учиться добру у язычников (V, 11, 60). Не следует забывать, что все эти слова звучали в издавна романизированной, просвещенной Галлии, где на варваров смотрели как на дикарей. Для уяснения позиции Сальвиана необходимо припомнить, что труд его старшего современника Павла Орозия (нач. V в.) даже назывался «История, направленная против язычников» (*historiarum adversum paganos libri VII*).

Христианский мир Западной Римской империи встает со страниц сочинений Сальвиана в такой безотрадности и запустении, в таком глубоком моральном упадке, положение рисуется столь безысходным, общество настолько больным и пораженным кризисом, что становится

ясным: старый строй трещит по швам и не выдержит выпавших на его долю потрясений; он отжил свой век, и только новые общественные и человеческие отношения, исподволь вызревавшие в его недрах, или свежие внешние силы смогут вывести его из этой тупиковой ситуации.

Римское государство, — свидетельствует Сальвиан, — уже мертво или находится при последнем издыхании (*iam mortua vel certe extremum spiritum agens*). Там, где еще топится жизнь, чиновники и мытари, словно разбойники, мертвой хваткой хватают за горло народ (IV, 6, 30). Ничтожная кучка людей грабит народ, только высшие власти (*summi*) и злодеи могут чувствовать себя в безопасности (V, 4, 17–18). Многие лишились отечества и бедствуют на чужбине, цветущие области превратились в пустыню (VII, 5, 21. 12, 52). Неумная тревога, атмосфера «конца света», бедствия и нищета — таковы будни империи. «Некогда римляне были самими могущественными из всех народов, ныне они самые бес- сильные. Древних римлян боялись, теперь мы сами всех боимся... Мы сделали смешными, варвары обращаются с нами, как господа со своими рабами... Как низко мы пали!» — с горечью восклицает Сальвиан (VII, 18, 98–99).

В стране торжествует несправедливость, все поменялось своими естественными местами:²⁰ «Добрые люди прозябают в бедности, дурные купаются в роскоши, добрые немощны, дурные могущественны, добрые — всегда в горестях, дурные — в радостях, добрые в нищете и угнетении, дурные благоденствуют и пользуются почетом» (I, 2, 8). Эта мысль возникает вновь и вновь, с нее начинаются первые три книги (I, 1, 1; II, 1, 1; III, 1, 1).

В фразеологии Сальвиана социальные, классовые критерии и понятия естественно заменены или прикрыты моральными и религиозными. Добрые люди, верные христиане (*boni, probi, fideles Christiani*) — это всегда угнетенные низы общества, бедняки и даже рабы; дурные и грешные (*mali, improbi, peccatores*) — богачи и нобили. Достоинствам первых и порокам вторых посвящено немало горьких и разящих строк Сальвиана (III, 10; IV, 4, 5, 6, 7 и др.). После перечисления пороков Сальвиан спрашивает: может быть они свойственны беднякам и рабам, а господствующий класс чист и непорочен? И сам отвечает: нет такого греха, которым не запятнали себя богачи и все, кто стоит у власти. Богач и подлец — для него синонимы. Торговцы вероломны, курiales бесчестны, придворные клеветают, солдаты разбойничают, в все вместе — насилуют, грабят, убивают, воруют, развратничают (III, 10, 53; IV, 3, 13–16. 4, 21). Если бедняки или рабы в чем-нибудь и виноваты, то они заслуживают снисхождения: раб ворует, так как к этому его принуждает голод; когда раб бежит от своего господина, в том повинны побои и пытки, выпавшие на его долю,²¹ но обжорство, пьянство, воровство и развращенность хозяев не находят оправдания (IV, 3, 13–16).

Перо Сальвиана не щадит даже церковь, к которой он сам принадлежал и которая должна бы служить для всех примером чистоты и справедливости, но, как он замечает, порочит имя бога. За редкими исключениями христианские общины — скопище пороков (*sentina vitiorum*).

Церкви всегда полны пьяницами, кутилами, бандитами, убийцами, ворами, развратниками, и несть им числа (III, 9, 44). Терпимый к инакомыслию, Сальвиан беспощаден в критике тех, кто своим недостойным поведением порочит имя христиан (III, 17, 85). К священникам и монахам он особенно пристрастен и требователен (V, 10 51–56). В сочинении, специально обращенном к служителям церкви (*ad ecclesiam libri IV, adversus avaritiam*), Сальвиан обличает одну из самых распространенных и тяжких, по его словам, болезней века²² — корыстолюбие, стяжательство, своекорыстие, жадность, скупость (*avaritia, cupiditas, rapina*), поразившую даже служителей церкви, которые под платьем аскетов нередко скрывают свою низкую сущность (ай есс. IV, 4, 22. Cf. gub. V, 10, 51–56). Это была весьма актуальная тема, ибо против пороков и коррупции, царивших среди духовенства, власти были вынуждены принимать даже официальные меры.²³ Сальвиан внушает церковникам мысль о необходимости показать пример морального совершенства и отказа от имущества (*ad eccl. II, 9, 4; III, 5, 22*). Но даже в обращении к монахам (*religiosi, sancti*), чью жизнь он хорошо знал по собственному опыту,²⁴ Сальвиан избегает крайностей аскетизма и нигде прямо не говорит об «умерщвлении плоти», не призывает к мученичеству, хотя в отречении от мирских благ (*ad eccl. III, §§ 40–56*) видит средство нравственного возрождения и единственную альтернативу безумию накопительства и обогащения немногих за счет народа. Возможно, Сальвиан испытал некоторое влияние идей Иеронима.

Всеобщая испорченность, не искупаемая подвижничеством немногих праведников (III, 11, 57), не могли остаться безнаказанными. Всех постигает суровый, но справедливый суд божий (V, 3, 12). — Мы получили, что заслужили (*hoc ratimur, quod meremur*), что посеешь, то пожнешь, — не единожды и на все лады повторяет Сальвиан (IV, 12, 55; VII, 5, 25. Ср. III, 9, 42; IV, 2, 11, 8, 34; VI, 16, 90; VII, 20, 88; VIII, 1, 8: *nos puniri a nobis ipsis*).²⁵ В этих словах весь пафос трактата «О божьем промысле». Но заключенная в них художочная теологическая концепция, прославляющая могущество бога и оправдывающая произвол и несчастья на земле, называемая теодицеей, бледнеет под натиском жизненных фактов, реальных народных бедствий и ужасов войны, с такой беспощадной художической и публицистической страстью описанных Сальвианом. Его «мы терпим по заслугам» как ответ на вопрос «почему на земле царит несправедливость?» звучит неубедительно и противоречит гуманной и демократической позиции писателя. Расплата за грехи, настигающая всех без разбора — и правого, и виноватого, — оказывается непонятной и чересчур жестокой. Сальвиан чувствует свою беспомощность, и у него раздраженно вырывается: — В конце концов, я только человек и не обязан постигать тайные замыслы Господа Бога (*homo sum, non intellego secreta Dei, investigare non audeo* ... — III, 1, 3). Постоянные, много раз и настойчиво повторенные²⁶ напоминания Сальвиана о распространенных в его время упреках, что бог-де не заботится о делах людских (*incuriosus... et quasi neglegens humanorum actuum* — I, 1, 1. Ср. I, 3, 13. 10, 45; II, 1, 1; III, 1, 2; IV, 12:54; VII, 1, 1 и др.), объективно не стелько

опровергали, как закрепляли в сознании читателей эту крамольную мысль. Усиленные поиски «бытия божия» в мире — уже сами по себе заключают момент сомнения. Для Сальвиана «божий промысел» не самоочевиден, не сам собой разумеется. Его необходимо еще доказать — как себе, так и другим. Несмотря на все заклинивания, восклицания и аргументы, вера и набожность марсельского священника не очень крепки.

Если бы Сальвиан действительно принадлежал к фанатикам, его инвективы дышали бы злорадством и озлобленностью: «Так вам и надо!», но они окрашены любовью и состраданьем к беднякам, полны ненависти к богатым и знатым. Возмущенная совесть народного проповедника заставила его «кричать во весь голос»²⁷ в защиту всех обездоленных, в защиту повстанцев-багаудов и беглых рабов.

Поразительна терпимость Сальвиана к официально осуждаемым церковью еретикам в годы жесточайшей борьбы с любыми отклонениями от символов веры ортодоксального католицизма. Удивительный либерализм и толерантность Сальвиана в вопросах религии никак не вяжутся с ярлыком фанатика, который нередко навешивается на него исследователями.²⁸ Целый раздел «О промысле Божьем» по существу посвящен оправданию арианства. — Мы, — говорит Сальвиан, — уверены, что арианцы оскорбляют бога, считая сына ниже отца (*minorem patre filium*), а они, наоборот, осуждают нас за то, что мы унижаем бога, утверждая, что бог-отец и бог-сын единосущны и равны. Они, конечно, заблуждаются, замечает Сальвиан, но не из ненависти, а из любви к богу. Если они и еретики, то исключительно по неведению. С подлинным текстом Священного Писания они не знакомы, да к тому же читать-то они не умеют и все воспринимают со слов своих учителей. Арианцы только у нас считаются еретиками, у себя же они просто христиане (кн. V, гл. 2). Таким образом, Сальвиан и сам недалеко от еретических мыслей.

Сальвиан доброжелателен к людям и исходит из того, что все они, хотя и различны (VII, 14, 59), но по природе добры и чисты (*naturae originalis sinceritas* — VII, 13, 57). Как у отдельных личностей, так и у целых народов есть свои достоинства и недостатки (*omnes gentes habent, sicut peculiaris mala, ita quaedam bona* — VII, 15, 64). Дурными поступками человек изменяет природу вещей (*mutamus naturam rerum*), превращая первоначальное, сотворенное богом добро в зло (VI, 11, 65). И эти теософские мысли о изначальном добре (*quae deus bona fecit*) переплетаются, как это часто случается у Сальвиана, с чисто светскими моральными и социальными мотивами: только добродетельный человек по-настоящему мудр (VI, 1, 8), у бедности много преимуществ и она помогает добродетели, а богатство и изобилие порождают пороки (VI, 9, 52; VII, 20, 85).²⁹

Сальвиану, подбирающему к человеку новые ключи, уже чужда древняя, расистская по существу дихотомия, расчленяющая все человечество на эллинов и римлян, с одной стороны, и варваров, с другой. В V в. н.э. принадлежность к эллинам и римлянам, т.е. к христианскому миру, сама по себе не дает римлянам никаких привилегий, скорее наоборот, — делает их участь более жалкой.³⁰ Поскольку христианство

фактически не давало никаких преимуществ перед язычеством, постольку религиозный принцип заменялся моральным, а моральный, в свою очередь, социальным: весь господствующий класс, клянущийся именем Христа, вместе с верхушкой клира, будучи порочным, признается достойным возмездия и уничтожения руками варваров и собственных низов, а угнетенные и обездоленные заслуживают сострадания, помощи и лучшего будущего, в полном согласии с духом и буквой раннего христианства.

Главное для Сальвиана — не церковная догматика, не доктринальные споры, а человеческое достоинство (*dignitas humana* — II, 2, 8) и законы нравственности, перед которыми все равны — римляне и варвары, бедные и богатые, свободные и рабы, язычники и христиане, включая еретиков. Испорченности и разложению нравов, распущенности и беззакониям, охватившим христиан, противопоставляется моральное превосходство завоевателей-германцев: взаимопомощь, храбрость, свободолюбие, искренность, целомудрие, скромность, презрение к наслаждениям, зрелищам и т.п. Это были именно те самые качества и свойства, которые, по словам Энгельса, вдохнули новые силы умирающей Европе.³¹ Сальвиан чувствовал необходимость коренных перемен и, должно быть, понимал, что будущее за варварами. Если Августин все свои надежды возлагал на христианство и доказывал, что весь христианский мир с помощью божьего промысла растворится в «граде божьем», то объективная логика сочинений Сальвиана толкала к выводу, что не христианство спасет мир, а власть язычников и еретиков, из которых состояли все варвары (IV, 13, 61. 14, 67; V, 2, 5), не только разрушавшие старые порядки, но и несущие с собой новую, более высокую нравственность (VII, 21, 91 сл.).

Вся позитивная программа Сальвиана связана с идеей реставрации давно ушедшего в прошлое, первоначального демократического христианства, «бедной церкви», которые были духовным оплотом гонимых и угнетенных. В «Промысле Божьем» он мимоходом предлагал богачам раздать свое имущество нуждающимся (III, 9, 43). Вероятно, к этому времени он уже понял, что призывы его напрасны, зато в более ранем сочинении «О корыстолюбии», адресованном церкви, этот проект подробно развивался и обосновывался частыми ссылками на Евангелие — богатый христианин при жизни должен расходовать свое имущество во славу Господа, а перед смертью раздать его бедным, не заботясь о наследниках (К церкви, III, 1, 5. 2, 6). Отец, оставляющий наследство детям, по мнению Сальвиана, поступает с ними хуже, чем господин с рабами, — последний в завещании освобождает рабов, а тот — закабаляет (К церкви, III, 7, 33. 13, 58). Сальвиан напоминает читателю времена апостольские, когда все «христиане были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деяния апостолов, 2, 44. 45. Ср. Там же, 4, 32—37). Отсюда настойчивые увещания: «Продайте свое имущество и раздайте бедным» (Лука, 12, 33. Ср. Матф. 19, 21. К церкви, IV, 7, 35) и упреки «Христос беден, а ты копишь богатства» (К церкви, IV, 7, 23). Таким

образом предлагалась утопия нового типа, целиком опиравшаяся на евангельские принципы, половинчатая и противоречивая, но выросшая из незрелого восприятия низших классов и отражавшая его.

Проповедь бедности и аскетизма, обращенная к имущим, означала требование перехода на позиции эксплуатируемых. Такой «монашеский», уравнилельный идеал, продиктованный условиями реальной жизни низов и протестом против контрастов нищеты и роскоши, ложный в своей основе, характерен для неразвитых социальных выступлений угнетенного класса, который начинал «с отказа от всего, что еще может примирить его с существующим общественным строем».³² Таким образом, Сальвиан занимает особое место в западном христианстве V века: его свободомыслие, социальный и моральный радикализм резко отличается от этактистских притязаний Амвросия Миланского, с одной стороны, и безудержного, воинствующего фанатизма тертуллианова образца, с другой.

Пытаясь найти собственное место в обстановке интегрального кризиса конца античности, Сальвиан остро чувствовал свой долг и ответственность как духовного пастыря и вождя народа указать ему путь спасения от жизненных невзгод, призвать к построению человеческого сообщества на более справедливых основах, свободного от развращающего влияния собственности и денег. Сознвая несовершенство мира, он дважды нашел в себе силы и решимость изменить свою судьбу — сначала порвать с обеспеченной жизнью людей своего круга и семьей и уйти в монастырь,³³ а затем отказаться от «личного спасения» за стенами монашеской обители и вернуться к обществу для исправления его пороков.

Проекты социального переустройства Сальвиана, желание реформировать общество путем добровольного передела имущества и перераспределения материальных благ по модели ранней евангельской общины предполагали способность к самоотречению и возвращение к «коммунистическим» принципам первохристиан. Вера Сальвиана в возможность изменить мир к лучшему одним убеждением и нравственным усовершенствованием (*perfectio* — *ad eccl.* I, 3, 10, т.е. заботой о душе: хотя и благородна, но столь же утопична, как и его призывы к богачам отдать свое имущество бедным.³⁴ Однако нельзя не увидеть в проповедях и поступках марсельского священника широту и смелость взглядов, истинный демократизм, протест против социальной несправедливости и терпимость к религиозному инакомыслию — качества, идущие в разрез с господствующими в его время нормами и догмами.³⁵

Пример Сальвиана, одного из «отцов» западной церкви, показывает, что социалистической науке следует, отбросив известные предубеждения, внимательнее приглядеться ко всей весьма неоднородной по составу и тенденциям патристической литературе,³⁶ смелее включать в литературный процесс творчество латиноязычных христианских писателей и извлекать из него все, что может пролить дополнительный свет на положение и умонастроение масс на закате античного мира, указать на сдвиги в общественном сознании и на вызревание и формирование новых социальных, этических и эстетических ценностей.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 418.

² Творчество Сальвиана всегда интересовало исследователей главным образом как источник по истории Римской империи эпохи переселения народов. Научная литература по Сальвиану крайне скудна. Единственная монография написана более ста лет тому назад) W. A. Zschimmer, *Salvianus, der Presbyter von Massilia und seine Schriften*. Halle, 1875).

³ Здесь и далее переводы принадлежат автору. Там, где цитаты даются без названия произведения, имеется в виду основной трактат Сальвиана «О промысле Божьем» (*De gubernatione Dei*), написанный между 439 и 451 гг. Текст по изданию: *Sal iani presbyteri Massiliensis libri qui supersunt*. Rec. C. Halm. B. 1877.

⁴ Наиболее критически настроен С. Дилл. См. S. Dill, *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*. London, 1899, p. 141 sq. J. Ampère, *Histoire littéraire de la France*. P. 1839, v. II, p. 184 (l'exagération). Стоит вспомнить кстати, что религиозные и политические соображения заставили многих усомниться в правдивости Тацита.

⁵ «О промысле Божьем», предисловие. В сочинении «К церкви» (*ad ecclesiam*, IV, 1, 1–2) Сальвиан вспоминает слова апостола Павла: *si hominibus placere vellem, Christi servus non essem* (Gal. 1, 10). Он был убежден, что его критика (*reprehensio*) большинству придется не по вкусу, так как она касается «порочности нравов» (*morum nostrorum vitia castigat* — VIII, 1, 1).

⁶ De gub. VIII, 1, 3: *Omnibus modis tuenda veritas, ut quod in re est, hoc et in verbis sit, quae in se dulcedinem habent, dulcia, quae amaritudinem, amara dicantur.*

⁷ G. Sternberg, *Das Christentum des 5. Jahrhunderts im Spiegel der Schriften des Salvians von Massilia*. Theolog. Studien u. Kritiken. Jahrgang 1909, H. 1–2. Gotha, S. 47. Конечно, требовалось еще немало времени, чтобы христианство укрепилось по существу в сознании масс и государстве (см. Крыжелев, И. А., История религии, т. I. М. 1975, стр. 187).

⁸ См., например, письмо Иеронима «О сохранении девства» (22), а также пис. 23, 117 и др.

⁹ «О промысле Божьем», VI, 13, 72: *in solo patrio atque in civitatibus Gallicanis.*

¹⁰ Английский историк С. Дилл по-своему выразителен: если бы Сальвиан, говорит он, жил в 19 веке, то несомненно примкнул к социалистам крайнего левого толка (цит. соч., стр. 137).

¹¹ «О промысле Божьем», VI, 15, 86.

¹² Дмитриев, А. Д., Движение багаудов. ВДИ №№ 3–4. М. 1940.

¹³ В соч. «К церкви» Сальвиан извлекает из Нового Завета почти все места с осуждением богатей — Матф. 6, 19 (I, 2, 8); I Тим. 6, 10 (I, 3, 13); Марк. 10, 24–25 (I, 4, 20); I Тим. 6, 17 (I, 6, 29); Иак. 5, 1 (I, 7, 33) и др.

¹⁴ Ср. Тертуллиан. О зрелищах, 10; Апология, 38. Августин. О государстве Божьем, II, 4, 27.

¹⁵ Ср. «О промысле Божьем», VI, 2, 9. Сидоний Аполлинарий (varm. XXIII, 283 сл.) рассказывает, что актеры в пантомимах весьма натуралистически представляли самые фривольные сцены из мифологии.

¹⁶ «Римлянами» у Сальвиана называются не столько граждане собственно Рима, как вообще все подданные Западной Римской империи, принявшие христианство, где бы они ни жили.

¹⁷ Аристотель «Политика»: *βάββαρον καὶ δοῦλον τὰν φύσει* (1252 b 9); *οἱ βάββαροι δυνάμει τὸν ἥθησαν τῶν ἑλλήνων* (1285 a 20).

¹⁸ Согласно Сократу, утверждает Сальвиан, «все мужчины должны стать супругами всех женщин, а женщины женами всех мужчин» (VII, 23, 101). Сведения о философии Сократа он черпал из десятых рук или читал только 5-ю книгу «Государства» Платона.

¹⁹ «О промысле Божьем», V, 5, 21: *quaerentes... apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt.* Ср. К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. стр. 150.

²⁰ «О промысле Божьем», VI, 11, 65: *mutamus naturam rerum iniquitatibus nostris.*

²¹ О тяжелом положении рабов в В. в. см. Корсунский, А. П., О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV–V вв.». ВДИ, № 2, 1954, стр. 54.

²² «К церкви», I, 1, 1: inter ceteros graves atque mortiferos exitialis pestilentiae morbos etc.

²³ S. Dill, op. cit., p. 133.

²⁴ Около 424 г. Сальвиан принимает монашество и вступает в Congregatio Lirinensis (ep. I, 8), монастырь, основанный св. Гоноратом на одном из Леренских островов (близ совр. Канн). Там он пробыл лет пять, после чего стал пресвитером в Марселе.

²⁵ Cp. Hieronymus, ep. 60, 17i nostris vitiis Romanus superatur exercitus.

²⁶ Отсюда многочисленные повторения как один из композиционных принципов «О промысле Божьем». Я бы его назвал «принципом матрешки», так как почти каждая последующая книга заключает в себе ту же самую мысль, сначала данную в более мелком масштабе, а затем все более детализированную и тщательнее аргументированную.

²⁷ «О промысле Божьем», VII, 23, 108: exclamare super vires meas superem, ut toto orbe resonarem.

²⁸ Например, A. Hauck, Salvian. In: Realecyklop. für protestantische Theologie u. Kirche. B. 17, S. 403. Leipzig, 1906.

²⁹ Ad eccl. III, 5, 25: habeat praemium suum ipsa paupertas. Ibidem III, 11, 49: pauper beatitudinem emit mendacitate, dives supplicium facultate. Cf. ibidem, IV, 7, 34.

³⁰ De gub. VII, 11, 47: Et ideo quid prodesse nobis praerogativa illa religiosi nominis ...?

³¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 154.

³² К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 377–378.

³³ Как видно литературного наследия Сальвиана, он происходил из богатой и знатной семьи (пис. 1, 5). Об обстоятельствах его семейной жизни см. письмо 4-е.

³⁴ Сальвиан сознавал утопичность своих предложений, потому что не надеялся, что среди общего падения нравов его призывы действительно смогут кого-нибудь увлечь: ubi apertas aures aut videntes oculos invenire poterimus? (ad eccl. III, 13, 57).

³⁵ С этой точки зрения интересно сравнить жизнь и творчество Сальвиана с деятельностью такого знаменитого деятеля католицизма как миланского епископа Амвросия (IV в.), непримиримого борца с еретиками и активнейшего сторонника светской власти церкви.

³⁶ Показательно, что имя Сальвиана даже не упоминается в двухтомной «Истории римской литературы», изданной Академией Наук СССР в 1962 г.